

ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА

Благодарности

Как всегда, моей признательности заслуживают многие люди, а места для ее выражения здесь не слишком много. На этот раз мне хотелось бы особенно поблагодарить моего редактора Энн, которая мирилась с тем, что я неоднократно задерживал и не вовремя сдавал рукопись. Уверен, что тем самым я доставил ей изрядную головную боль, как и некоторым сотрудникам издательства «Penguin», пытающимся составить расписание выхода книг. Мой агент Дженн оказала мне неоценимую помощь в улаживании всех этих тернистых вопросов, и ей тоже я искренне признателен. Я не преминул бы покаянно извиниться перед всеми вами, если бы имел убежденность, что это никогда больше не повторится. С учетом всех обстоятельств такие извинения могли бы показаться неискренними, поэтому я просто благодарю вас за терпение и понимание.

Участникам тест-группы «Beta Asylum» я должен выразить гораздо больше благодарности, чем обычно, особенно тем, кто уделил моей рукописи много внимания и времени в последние несколько недель перед новым «последним» сроком сдачи книги в печать. Ваши отзывы, поддержка и советы стали особенно бесценны.

Моим дорогим постоянным читателям выражаю особенный респект за вашу терпеливость, учитывая то, на чем я завершил предыдущий роман, а затем заставил всех ждать еще три месяца сверх обычного срока, пока наконец не убедился, что следующая книга — эта — готова к выходу. Наслаждайтесь! (Формально, ребята, роман «Перемены» НЕ закончился катастрофой. Серьезно.)

Конечно, я благодарен Шеннон, которой пришлось жить со мной во время этого более безумного, чем обычно, периода, пока создавался данный роман. Шеннон, я почти уверен, что снова стану нормальным в достаточно близком будущем. Постараюсь загладить свою вину.

Глава 1

Жить тяжело.
Умирать легко.

Для сотворения жизни требуется множество совпадений. Это должно происходить в месте, годном для проживания, а по масштабам Вселенной таких мест днем с огнем не найти. Кроме того, необходимо в той или иной мере наличие родителей. А еще с момента зачатия до родов тоже много всякого может произойти — не говоря уже о том, сколько сил и внимания требует уход за новым существом, пока оно не вырастет и не сделается самодостаточным.

Жизнь полна тяжелого труда, жертвенности и боли, и к тому моменту, когда мы перестаем расти, мы уже знаем, что начали умирать. Год за годом мы можем лишь беспомощно наблюдать, как стареет и дряхлеет наше тело, но инстинкт самосохранения заставляет нас жить дальше — из чего следует, что нам приходится проводить наши дни с жутким осознанием неотвратимости смерти. Сама по себе жизнь в таких условиях требует от нас огромных усилий, и этот процесс полон подводных камней и неожиданных затруднений.

По сравнению с этим прекратить жизнь несложно. Я бы даже сказал, легко. Это можно сделать, приложив минимум усилий: достаточно одного-единственного микроба, острого угла, тяжелого предмета... или нескольких унций свинца.

Так трудно взрастить. Так легко уничтожить.

Можно подумать, из-за этого мы ценим жизнь больше.

Я умер в воде.

Я так и не узнал, истек ли я кровью от пулевого ранения или захлебнулся водой. Забавно: при жизни мы больше всего боимся смерти. Но стоит ей произойти — и подробности ее нам уже не важны. Да и сама смерть нас больше не пугает. Слышали, что рассказывают пережившие клиническую смерть? Ну, про туннель и свет в дальнем его конце? Так вот, я там был. Все так и есть.

Правда, я нигде не встречал, чтобы кто-то, спеша на этот самый свет, услышал оглушительный гудок тепловоза.

До меня смутно дошло, что я стою на чем-то вроде рельсов и шпал. Я понял это по их вибрации, усиливавшейся по мере приближения поезда. Она передавалась мне через подошвы башмаков — и сердце мое тоже забилося быстрее в такт этой вибрации.

Кстати, не я ли только что говорил, что смерть после смерти больше не страшна? Забудьте.

Все же я упрямо подбоченился и насупился, глядя на приближающийся свет. Слишком утомительные сутки у меня выдались: я сражался с силами зла, уничтожил под корень всю Красную Коллегию, спас собственную дочь, убил ее мать... ах да, еще меня самого застрелили насмерть. В общем, все в таком роде.

Мне полагалось бы покоиться с миром, или раствориться в божественном сиянии, или стоять в очереди на американские горки, а может, вариться в котле под громкую музыку с одним Барри Манилоу в плей-листе. Ведь именно так происходит, когда вы умираете. Каждому воздается по заслугам. Вы получаете ответ на главные вопросы жизни.

— Но не попадаете под поезд, — угрюмо буркнул я, скрестив руки на груди, расставив ноги и упрямо выпятив подбородок.

Поезд тем временем с грохотом приближался.

— Что это с вами? — проревел мужской голос почти у меня над ухом. Чья-то сильная рука ухватила меня за правый локоть и рывком сдернула с рельсов. — Вы что, чертова поезда не видите?

Упомянутый поезд с ревом пронесся мимо — разъяренный зверь, рычащий в досаде на упущенную добычу. Поднятый им вихрь едва не затянул меня обратно на рельсы.

Прошла, казалось, вечность, пока последний вагон не скрылся в ночи. Я лежал ничком еще немного, задыхаясь, с отчаянно колотящимся сердцем. Только дождавшись, пока оно чуть-чуть не уймется, я приподнял голову и огляделся по сторонам.

Я валялся на чистой, хотя и потрескавшейся от времени бетонной платформе, под фонарем — таких станций в чикагских пригородах хоть отбавляй. Эта показалась мне знакомой, но точно вспомнить ее мне не удалось. Я не увидел ни одного пассажира. Ни вывесок с названием, ни расписаний. Просто платформа и пустое, чистое, лишенное каких-либо особых примет здание.

И пара начищенных штиблет.

Взгляд мой скользнул вверх по штанинам и запечатлел мужчину лет тридцати, смотревшего на меня сверху вниз. Сложением он напоминал хорошую наковальню; казалось, что, если вы вдруг, сдавая машину задним ходом, ненароком на него наедете, он останется невредим, а вы помнете крыло. Темные глаза светились живым умом, волосы уже начали редеть, и, хотя красавцем я бы его не назвал, лицо его было из тех, что помимо твоей воли вызывают доверие.

— Поезда на юг в последнее время ходят довольно быстро, — заметил он. — Я так решил, что вы, мистер, не особенно стремитесь попасть именно на этот.

Я продолжал молча таращиться на стоявшего передо мной мужчину. Добавив мысленно лет двадцать возраста и фунтов сорок веса, я понял, что он мне знаком.

— К... — пробормотал я, заикаясь. — К-к-к...

— Давайте попробуем вместе, — предложил он. — Кармайкл.

— Но вы же... — не выдержал я. — Того... умерли.

Он фыркнул:

— Ну да, приятель. Зато теперь у нас будет настоящий, лицензированный детектив. Чародей в придачу. — Он с ухмылкой протянул мне руку. — А вообще, кто бы говорил, а, Дрезден?

Оглушенный, я поднял руку и позволил сержанту Рону Кармайклу, бывшему сотруднику отдела специальных расследований чикагской полиции, поднять меня на ноги. Он работал с Мёрфи. И он отдал жизнь, спасая ее от обезумевшего луп-гару... адские погромашки, уже больше десятка лет прошло! Я сам видел, как он погиб.

Приняв более или менее вертикальное положение, я некоторое время смотрел на него, потрясенно качая головой. Ростом я был здорово повыше его.

— Вы... — пробормотал я. — Вы отлично выглядите.

— Просто удивительно, что с тобой может сделать загробная жизнь. — Он театрально округлил глаза. — А ведь какие только средства я не пробовал, чтобы похудеть! — Кармайкл покосился на часы. — Все это, конечно, очень занятно, но нам пора двигаться.

— Э-э-э... — осторожно заметил я. — А куда именно двигаться?

Кармайкл поковырялся в зубах зубочисткой.

— В контору. Идем.

Я последовал за ним через станционное здание на улицу, где стоял старый золотистый «мустанг». Он обошел машину и сел за

руль. Было темно. Моросил дождь. Фонари горели, но место выглядело заброшенным — никого, кроме нас двоих. Я все еще не мог определить, в каком районе Чикаго мы находимся, и это показалось мне чертовски странным: я неплохо знаю свой город. Секунду-другую я медлил, оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь знакомого ориентира.

Кармайкл перегнулся через сиденье и распахнул мне дверцу:

— Не ломайте голову, приятель. Здесь не только те дома, которые стоят, но и те, которые могли бы здесь стоять. Будете думать об этом слишком много — голова распухнет.

Я еще раз оглянулся, сел в «мустанг» и захлопнул за собой дверцу. Кармайкл медленно вырулил на пустую улицу.

— Это не Чикаго, — сказал я.

— Гениально, — дружелюбно заметил он.

— Тогда... где мы?

— Между.

— Между чем? — не понял я.

— Между чем? — переспросил он. — Между кем. Между где.

Между когда.

Я нахмурился:

— Вы не упомянули «почему».

Он покачал головой и ухмыльнулся:

— Не-а, дружище. К «почему» мы здесь относимся с большим почтением. Мы, можно сказать, большие поклонники «почему».

Я нахмурился чуть сильнее:

— Почему я здесь?

— Вы никогда не слышали о прологе? — ответил Кармайкл вопросом на вопрос. — Хотите сразу перейти к основному действию?

— «Почему я здесь» — в смысле «а не там, где мне вроде бы положено находиться».

— Может, вы сейчас пребываете где-то при смерти, — предположил Кармайкл. — Может, вы тонете и все это иллюзия, которую создает вам мозг, чтобы укрыть от вас суровую правду.

— Здесь? С вами? Я встречался со своим подсознанием — оно, конечно, безумно, но не настолько.

Кармайкл рассмеялся — громко, тепло, от души.

— Но такое здесь вполне могло бы происходить. Вот в этом и суть.

— Ничего не понимаю. Вообще ничего.

— И в этом тоже суть, — кивнул он.

Я испепелил его взглядом.

— Приятель, — сказал он, продолжая улыбаться, — вам позволено увидеть ровно столько, сколько вы в состоянии переварить. Прямо сейчас мы с вами находимся в каком-то месте, которое сильно смахивает на Чикаго, едем под дождем в моем старом «мустанге», потому что таковы ваши пределы восприятия. Все, что сложнее, предотвратило бы... — он помолчал, подбирая слова, — возможность вероятностей, а у нас здесь это нецелесообразно.

Я немного подумал.

— Вы употребили «предотвратило» и «нецелесообразно» в одном предложении.

— Я тут раздобыл календарь «по слову в день», — сказал он. — Не поднимайте лишнего шума из-за пустяка.

— Да вы смеетесь? — осведомился я, откидываясь на спинку сиденья. — Поднимать шум — для меня смысл жизни.

Кармайкл хмыкнул и сощурил глаза.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим.

Глава 2

Кармайкл остановил «мустанг» перед домом, напомнившим мне ранние серии «Сетей зла». Он припарковался у безлюдного тротуара, и мы направились к дверям.

— Так куда мы все-таки идем?

— Я же сказал. В контору.

Я нахмурился:

— А поконкретнее нельзя?

Он огляделся по сторонам:

— Не здесь. Эта территория небезопасна. Здесь повсюду уши.

Я задержался на совершенно пустом тротуаре и посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую: ничего, кроме редких фонарей, дорожных знаков и окон, за которыми не виднелось ни света, ни занавесок, — ни дать ни взять пустые глазницы трупа, даже еще менее выразительные.

— Угу, — заметил я. — Просто сплошная интрига.

Кармайкл тоже задержался в дверях и оглянулся через плечо. Пару секунд он молчал, потом заговорил тихим голосом, лишенным даже намека на шутку:

— Здесь водятся существа, Дрезден. И некоторые из них хуже, чем смерть. Так что лучше бы вам войти.

Я закатил глаза. Но...

Что-то в окружающей меня пустоте вдруг начало изрядно действовать мне на нервы.

Я сунул руки в карманы и попытался войти в здание не спеша, прогулочным шагом. Эффект оказался немного смазан ярко выраженным желанием отгородиться от этой пустоты надежной каменной стеной. Кармайкл отворил дверь ключом и пропустил меня внутрь первым. Прежде чем снова запереть дверь, он еще раз внимательно оглядел пустую улицу.

Кармайкл кивнул охраннику, патрульному полицейскому в парадной форме. Тот стоял у дверей лифта в непринужденной позе,

заложив руки за спину. Мундир у охранника был просто идеален. Идеально чист, с идеально отутюженными стрелками, и перчатки безукоризненно белые. Из лакированной черной кобуры на поясе торчала хромированная, с гравировкой рукоятка револьвера. Черты лица тоже соответствовали одежде: правильные, волевые, строгие.

Я задержался, хмуро глядя на охранника, и включил Зрение.

Профессиональные чародеи вроде меня имеют в распоряжении самые разные невероятные штуковины. Одной из самых невероятных является Зрение. То, что в разные эпохи и в разных культурах называли внутренним зрением, третьим глазом, дьявольским оком и еще много как. Оно позволяет чародею видеть истинную природу окружающих его вещей, а также невидимый мир энергий. Это опасная штука. Стоит вам увидеть что-то с помощью Зрения, и оно останется с вами навсегда, не стираясь из памяти и не тускнея со временем. Одного взгляда на что-нибудь недостаточно, чтобы распрощаться со здравым рассудком.

Но от всей этой сцены слишком отдавало фильмами Рода Серлинга. Мне просто необходимо было найти хоть что-нибудь, что я мог бы идентифицировать, что-то знакомое, нечто такое, чем бы меня не кормил с ложечки некто, похожий на помолодевшего, постройневшего Кармайкла. Вот я и решил попытаться идентифицировать единственный объект, который, скорее всего, мог бы рассказать мне кое-что о тех, кто меня окружает, — источник энергии.

Я сосредоточил внимание на пистолете охранника.

В течение секунды ничего не происходило. Потом серебро и чернение блестящего оружия изменились, и оно начало менять форму. Кобура удлинилась на глазах, опустившись охраннику до щиколотки, да и сам револьвер тоже изменился: рукоять распрямилась и превратилась в эфес классического меча. От него исходило сияние — нет, не отраженный свет, а собственное свечение клинка.

Взгляд голубых глаз охранника мгновенно скользнул ко мне. Он предупреждающе поднял руку.

— Не надо, — мягко произнес он.

Внезапно, словно передо мной захлопнули невидимую дверь, мой Взгляд выключился, и оружие снова превратилось в пистолет.

Охранник кивнул мне:

— Прошу прощения за резкость. Вы могли пострадать.

Я присмотрелся к нему. На бейджике виднелось имя: «АМИТИИЛ».

— Э-э-э... Ну да, конечно, — тихо произнес я, демонстрируя ему пустые руки. — Никаких проблем, приятель. Нет, правда.

Кармайкл уважительно кивнул охраннику и ткнул пальцем в кнопку вызова лифта. Дверь раздвинулась сразу же.

— Идемте, мистер. Время — деньги.

Охранник Амителил, похоже, счел это заявление забавным. Он улыбнулся и коснулся козырька фуражки двумя пальцами, салютуя Кармайклу. А потом снова застыл в расслабленной позе, невозмутимо глядя в ту пустоту, что действовала мне на нервы.

Двери лифта закрылись, и кабина, дернувшись, начала движение.

— Итак, — сказал я, — теперь, когда между нами и тем, насчет чего вы беспокоились, стоит как минимум один ангел-хранитель, вы можете мне сказать, куда мы направляемся?

К уголкам глаз Кармайкла сбежались морщинки.

— Я и так уже перерабатываю в качестве экскурсовода, Дрезден. Вам нужно поговорить с капитаном.

Кармайкл провел меня через помещение, уставленное офисными столами без перегородок. Все это напоминало отдел специальных расследований в чикагском управлении. За столами сидели несколько мужчин и женщин — они работали с бумагами, перебирали папки, разговаривали по телефону... ни дать ни взять копы за повседневной работой. Все до единого производило впечатление ровесников Кармайкла, пребывая в том возрасте, когда энергия молодости и жизненный опыт достигают некоторого подобия баланса. Я никого из них не узнал, но Кармайкл кивнул двум-трем в знак приветствия и получал ответные кивки. Он проследовал через весь зал к двери в единственный отдельный кабинет и постучал.

— Войдите, — послышался изнутри негромкий баритон.

Кармайкл распахнул дверь и пропустил меня в кабинет, маленький, но обжитой. Здесь стояли старые шкафы для документов, старый деревянный стол, несколько старых деревянных стульев. На столе — коробка для входящих документов, коробка для исходящих документов, игла для нанизывания бумаг и телефон с дисковым набором. Компьютера не было. Вместо него на боковом столике виднелась старая электрическая пишущая машинка.

Мужчина, сидевший за столом, тоже производил впечатление Кармайклова ровесника, а еще смахивал на профессионального боксера. Кожу вокруг глаз тут и там стягивали шрамы, а нос, похоже, не раз был сломан. Пиджак он снял и повесил на спинку стула, так что бицепсы, едва не рвавшие на нем белую рубашку, не скрывало ничто. Рукава он закатал выше локтя — и руки его в обхвате ненамного уступали деревянному телеграфному столбу, а крепостью, пожалуй, так и вообще не уступали. Образ дополняли светлая шевелюра, голубые глаза и челюсть, при виде которой в голове сразу возникали ассоциации с бульдогом. Мужчина тоже показался мне смутно знакомым.

— Джек, — обратился к нему Кармайкл, — это Дрезден.

Джек, не вставая, окинул меня взглядом с головы до пят и не произнес ни слова.

— Он всегда такой до первой чашки кофе, — объяснил мне Кармайкл. — Не принимайте это на свой счет.

— О! Кофе! — нарушил я воцарившуюся за этими словами тишину. — Неплохая мысль.

Пару секунд Джек внимательно на меня смотрел.

— Дрезден, — произнес он эдаким медовым голосом. — Дрезден, вы голодны?

— Нет.

— А пить хочется?

Я немного подумал:

— Нет.

— Это потому, что вы умерли, — сообщил Джек, и по лицу его скользнула улыбка — короткая и не сказал бы, что ободряющая. — Вам больше не нужно пить. Вам больше не нужно есть. Кофе не будет.

Я вопросительно покосился на Кармайкла.

— Я остаюсь при своем мнении. — Кармайкл посмотрел на Джека и ткнул большим пальцем в сторону двери. — Мне нужно вернуться к делу с ракшасом.

— Иди, — произнес Джек.

Кармайкл хлопнул меня по руке.

— Удачи, парень, — сказал он, — развлекайся!

Он вышел уверенным шагом делового человека, оставив меня наедине с Джеком.

В воздухе повисло неловкое молчание.

— Это не совсем то, чего я ожидал от загробной жизни, — заявил я.

— Потому что это не она, — ответил Джек.

Я нахмурился:

— Вы же сказали, я умер. Значит, это загробная жизнь.

— Вы умерли, — подтвердил Джек. — Но это — Между.

Я нахмурился еще сильнее:

— Что-то вроде... чистилища?

Джек пожал плечами:

— Если вам так привычнее, можете называть и так. Но вы здесь не потому, что вам нужно очиститься. Вы здесь потому, что ваша смерть выбивается из общего ряда.

— Меня застрелили. Или утопили. Не самый редкий случай.

Джек поднял ручищу и помахал ею в воздухе:

— Речь не о физической стороне. О духовной.

— Духовной? — переспросил я, продолжая хмуриться.

— Ваши оппоненты, — пояснил Джек. — Вы погибли, потому что они смошенничали.

— Пойдите. Какие оппоненты?

— Ангел, стоящий на часах у лифта, мог бы послужить тем, что мы, копы, называем зацепкой. Или вам портреты предъявить?

— Эм... Черт, вы имеете в виду... Настоящих Падших ангелов?

— Не совсем. Но если вам так привычнее считать, сойдет. Вроде этого. А вот что существенно и что вам стоит знать — так это то, что они плохие парни.

— Значит, — пробормотал я, — все из-за того, что они нарушили какие-то вселенские законы?

— Вы стояли у них на пути. Они хотели, чтобы вы исчезли. Для того чтобы это случилось, они нарушили законы. В результате вы стали уже моей проблемой.

Я смерил его хмурым взглядом, потом посмотрел на себя. Как выяснилось, на мне были джинсы, черная футболка без рисунка и мой черный кожаный плащ — который, будучи изорванным в хлам, погрузился в воды озера за час или два до того, как меня застрелили. Я имею в виду, плащ безвозвратно погиб.

Тем не менее он красовался на мне, целый и невредимый. Как новенький.

Вот это почему-то хлопнуло меня по мозгам сильнее, чем все остальное, вместе взятое.

Я умер.

Я умер!

Чикаго, Белый Совет, мои враги, мои друзья, моя дочь... Все это исчезло. Безвозвратно. И я не имел ни малейшего представления о том, что будет со мной дальше. Комната пошла кругом. Ноги разом сделались ватными. Я плюхнулся на стул лицом к Джеку.

Все это время я ощущал на себе его взгляд.

— Сынок, — произнес он, помолчав немного, — мы все через это проходим. Знаю, с этим трудно смириться, но тебе придется взять себя в руки, иначе я ничем не сумею тебе помочь.

Я зажмурился, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и в первый раз обратил внимание на то, как замечательно я себя чувствую в физическом плане. Такого со мной не бывало с самого детства, когда энергия буквально захлестывала меня и я испытывал острую необходимость тратить ее направо и налево — желательнее на что-нибудь приятное. Руки-ноги словно стали сильнее, быстрее, легче.

Я покосился на левую руку и увидел, что от шрамов, полученных в результате жуткого ожога несколько лет назад, не осталось и следа. Я сделался цел и невредим, словно со мной никогда и ничего не случалось.

Я попробовал мыслить логически, и до меня дошло, что на самом деле я не чувствую себя так уж хорошо, — просто мне не доставало длинного списка ранений и прочих травм. Старый-старый шрам чуть ниже правого локтя — я заработал его, чистя рыбину, которую поймали мы с дедом (дедом!), — тоже исчез.

Постоянное негромкое, но несмолкаемое нытье старых ран по всему телу исчезло без следа. Что, если подумать, вполне естественно, поскольку исчезло и само тело.

Боль прекратилась.

Я провел по лицу рукой.

— Простите, — пробормотал я. — Слишком много всего и сразу.

Он снова заулыбался:

— Ха. Просто подождите.

Его тон начинал меня раздражать. Что ж, раздражение являлось чем-то привычным, за что можно было держаться, и я, упершись в него широко расставленными воображаемыми ногами, сумел-таки остановить вращение стен.

— Итак, кто вы такой? — спросил я. — И чем можете мне помочь?

— Если вам хочется меня как-то называть, зовите меня «капитан». Или «Джек».

— Или «Воробей», — не удержался я.

Джек смерил меня полицейским взглядом, в котором не читалось ничего, кроме легкого, едва заметного неодобрения. Он выудил из стопки папку с бумагами и шлепнул на стол перед собой.

— Приятель, — заявил он, пробежавшись взглядом по ее содержимому, — вы тут застряли до тех пор, пока мы не разберемся с этим отклонением.

— Почему это?

— Потому что то, что ждет вас дальше, не для людей, которые ходят с оглядкой или жалуются, как с ними несправедливо обошлись, — невозмутимо объяснил Джек. — Вот мы и разберемся, как именно вас подставили. А потом вы переместитесь туда, куда положено дальше.

Я подумал о том, каково это — оказаться в западне в городе-призраке, и поежился.

— Ладно. Как нам в этом разобраться?

— Вы вернетесь, — ответил Джек. — И поймаете подонка, который вас убил.

— Вернуть? — переспросил я. — Назад, в...

— Угу, на землю, — подтвердил Джек. — В Чикаго. — Он хлопнул папку и кинул ее в стопку исходящих документов. — И выясните, кто вас убил.

Я заломил бровь:

— Да вы надо мной смеетесь!

Он молча смотрел на меня; лицо его веселостью не уступало горному кряжу.

Я закатил глаза:

— Вы хотите, чтобы я раскрыл мое собственное убийство?

Он пожал плечами:

— Хотите другую работу — устрою без проблем.

— Ух, — пробормотал я, снова поежившись. — Нет.

— Вот и хорошо, — кивнул он. — Вопросы есть?

— Э-э-э... — замялся я. — Что вы имели в виду, когда сказали, что отошлете меня обратно? В смысле... в мое тело или...

— Нет! — отрезал он. — Такого не получится. Нереально. Вы вернетесь таким, какой вы сейчас.

Я хмуро посмотрел на него, потом на себя.

— Призраком, значит, — сказал я.

Содержание

ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА. <i>Перевод Н. Кудряшева</i>	5
ХОЛОДНЫЕ ДНИ. <i>Перевод М. Вершовского</i>	495

Батчер Дж.

Б 28 Архивы Дрездена : История призрака ; Холодные дни : романы / Джим Батчер ; пер. с англ. Н. Кудряшева, М. Вершовского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 1024 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-22690-6

Его зовут Гарри Блэкстоун Кошперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем — за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выплывает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»...

Не очень-то приятно, когда тебя убивают. Вот и Гарри Дрезден думает точно так же. Но представьте себе его удивление, когда вместо тихого местечка на кладбище он оказывается в Чикаго-Между — городе-чистилище, между миром мертвых и миром живых. И у Гарри теперь есть лишь два пути: либо остаться здесь и заняться полицейской работой, либо отправиться в мир живых, чтобы раскрыть собственное убийство. Правда, не иначе как в виде призрака. Гарри выбирает второе («История призрака»).

Час от часу не легче. Мэб, Королева Воздуха и Тьмы, поручает Гарри — а он ее Зимний Рыцарь и ослушаться приказов Королевы не может — убить не кого-нибудь, а свою дочь Мэйв, Зимнюю Леди. Но та, как и все фэйри, бессмертна. Поэтому задача невыполнима. Вроде бы. Да и надо ли подчиняться Мэб? А вдруг она повредилась в уме? Или ею управляют какие-нибудь темные силы? В общем, для чародея Гарри куда ни сунься — одни проблемы («Холодные дни»).

Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сoc)-445

Литературно-художественное издание

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА ХОЛОДНЫЕ ДНИ

Ответственный редактор Александр Етоев

Редактор Юлия Зачесова

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Валентина Дик

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Ирина Киселева, Валерий Камендо, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.02.2023. Формат издания 60 × 88¹/₁₆.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 62,72.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZNF-31666-01-R